

В МАРТЕ У ГОРЬКОГО

РЕПОРТАЖ
«ЛР»

Сегодня, в канун 115-й годовщины со дня рождения А. М. Горького, в Москве после нескольких лет реставрации вновь открывается музей-квартира писателя.

29 МАРТА 1931 года, назавтра после дня рождения, «Литературная газета», поместив на первой странице портрет Горького, сообщила: «1 мая Максим Горький вернется в СССР». Он приехал в Москву 14 мая — нездоровье задержало его в Италии — и сразу же отправился на Малую Никитскую, 6, где ему предстояло жить.

Горький знал этот дом — двухэтажный особняк в стиле модерн, броский, эффектный, с причудливыми очертаниями балконов и окон, с красочными орхидеями на мозаичном фризе. «Какой нелепый дом!» — воскликнул он, увидев его первый раз, когда в 900-е годы приехал из Нижнего Новгорода и останавливался поблизости, в Гранатном переулке. Теперь волею обстоятельств он стал его жильцом и, говорят, переступая порог, снова проорал: «...нелепый!». Р. Роллан, после 20-летней дружеской переписки встретившийся с Алексеем Максимовичем именно в этих стенах, отметил в дневнике: «Большой дом, где живет Горький, не принадлежит ему, он был построен крупным купцом Рябушинским с варварской роскошью, которая его ослепляет».

Но таковой дом для Горького выбрали не случайно: тихая, почти свободная от транспорта улица в центре Москвы; недалеко — на Воробьевском, 52 — клуб писателей; по соседству — редакции журналов «Наши достижения», «СССР на стройке», «За рубежом», которые он редактировал. И, кроме всего, здание было очень удобным: не согласуясь вычурной декоративностью с обликом Горького, оно своей планировкой, габаритами соответствовало и, можно сказать, даже способствовало его ежедневной, очень интенсивной творческой, общественной, кипевшей тут жизни — не текущей, а именно кипевшей, бурлившей. «Я не лицо, а целое учреждение», — шутило замечание как-то о себе писатель. Но в шутке таилась глубокий смысл, который сказан был на выборе дома, — размах, масштабы, многогранность деятельности.

ПРИ АЛЕКСЕЕ МАКСИМОВИЧЕ парадный вход с улицы был закрыт, и попасть в дом можно было только через небольшой сад.

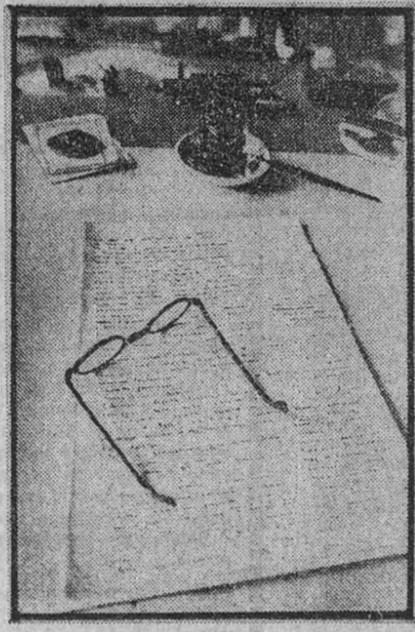
Отворяем калитку, Сад в исчезающем снегу, сизом, звенящем талой водой. На чистой сини неба — четкие черные плетения ветвей. И деревья, и земля взбудоражены солнцем. Март. Горький из-за болезни легких плохо переносил весну и обычно уезжал из города. Но в марте 1934 года он оставался на Малой Никитской. Прошло почти 50 лет. Что сегодня может рассказать нам дом о тех мартовских днях, обычных в его жизни и необычных, — ведь это год Первого съезда писателей страны?

Подготовка к такому важному событию, как говорил сам Горький, требовала его «оседлости» в Москве. Для него, организатора литературного процесса, собирателя писательских сил, время, предшествовавшее съезду, было особенно напряженным. 7 марта открылся третий всесоюзный пленум Оргкомитета ССП. Из-за плохого самочувствия Горький не мог принять участия в заседаниях, и 9 марта вечером руководители оргкомитета, писатели, приехавшие из республик, областей, разных городов страны, пришли к нему домой. Как обычно, беседовали в столовой, за большим раздвинутым столом, освещенным люстрой под зеленым абажуром. И сегодня в столовой все так, как было при Горьком: зашторено большое окно, выходящее в сад, светится шелк абажура, на белой скатерти — прибор Алексея Максимовича. Столовая сразу же по приезде превратилась в «горьковский клуб», в зал писательских собраний, различных творческих встреч, где рождались интересные замыслы и начинания, решались важнейшие проблемы литературного дела. Уже 30 мая 1931 года — всего через две недели после приезда Горького в Москву — тут бурно проходило собрание рапповцев и так называемых «попутчиков». А. Фадеев, А. Толстой, Л. Леонидов, Л. Сейфуллина, Вл. Стаский... — около ста человек собрались в этот вечер в доме Горького и яростно дискутировали несколько часов подряд. Взаимные упреки двух группировок накаляли атмосферу. Слово взял Горький. Он говорил о самом главном — о консолидации, о том, что советскую литературу надо создавать едиными, общими усилиями. Теперь, в марте 1934 года, здесь тщательно обсуждались детали предстоящего Первого съезда писателей страны.

В эти дни в печати продолжалась широкая дискуссия о языке, возвращая по инициативе Горького. В Архиве Горького хранится письмо из Вешенской, датированное 4 марта, — Шолохов просит Алексея Максимовича просмотреть рукописи его статьи, где он поддерживает позицию Горького. 18 марта «Правда» напечатала статью Горького «О языке», и в тот же день в «Литературной газете» увидела свет та самая статья Шолохова — «За честную работу писателя и критика».

В СЕКРЕТАРСКОЙ на столе под стеклом — несколько конвертов, они написаны различными почерками, но адрес один: Москва, Горькому.

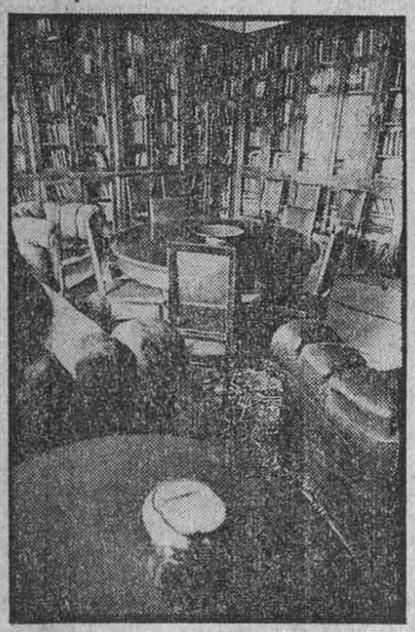
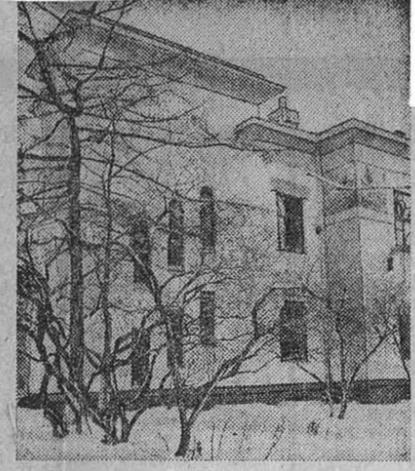
Корреспонденция шла из самых разных мест, и одновременно по самым разным адресам отправлялись из дома письма, бандероли, рукописи с пометками и отзывами. В мартовской почте, например, — пришедшее следом за пакетом из Вешенской письмо от А. Макаренно, который благодарил за помощь в публикации первой части «Педагогической поэмы». 14 марта Горький отвечает ему, сообщает, что «Поэма» принята читателями хорошо, жалеет, что не началась работа над второй частью. Эта переписка — одно из многих свидетельств постоянного наставничества Горького, его неутомимой заботы о притоке в литературу

«свежих сил, о молодых писателях, начинающих свой профессиональный путь». Макаренно, посвятивший «Педагогическую поэму» Горькому, с признательностью говорил ему в письме: «...Вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии и помощи я никогда этой книжки не написал бы». В тот же день Алексей Максимович отправляет письмо еще одному молодому автору — В. Жаковой. Не ментором, а опытным старшим товарищем по общему литературному делу предстает в письмах Горький. Заботой о литературной смене продиктована была его статья «Беседа с молодыми», которая увидела свет чуть позже — в апреле 1934 года.

Мартовская почта, которая поступила на Малую Никитскую, 6, и ответы, письма Горького говорят о широте его интересов, многообразии связей с жизнью. Он пишет С. Маркову в Архангельск по поводу его предложения создать серию книг «История народов СССР», подобно «Истории гражданской войны» или «Истории фабрик и заводов». Отвечает академику А. Баху, просит, чтоб кто-либо из сотрудников редактируемого им журнала «Фронт науки и техники» написал статью, которая ознакомит писателей с современным состоянием естествознания, говорит о необходимости поставить вопрос об изображении в литературе деятельности науки. Пишет И. Ворошилову, обращается с просьбой «поседействовать в привлечении к работе над «Историей гражданской войны» военных специалистов».

В секретарской, а иногда в столовой, собирались сотрудники редакций, находившихся в соседнем доме. Горький общался вместе с ними содержание, оформление, планы номеров. В марте отмечалось пятилетие первого его издательского начинания — журнала «Наши достижения». Для юбилейного номера он написал статью «Пять лет» и очерк «Об избытке и недостатках». На полках шкафа в секретарской сегодня можно увидеть журналы и книги серий, которые своим существованием обязаны Горькому, его инициативе, энергии, изобретательно-

сти. Он выступал в них как редактор, автор, организатор, руководил сбором материала, читал груды рукописей, правил, смотрел гранки — он не чурался никакой работы. Эта гигантская редакционно-издательская деятельность, которая отнимала и время, и душевные силы, и физические, была еще одним выражением активности его натуры, ощущения себя «участником всего того, что творится в стране», что происходит в мире. Как публицист он действительно вторгался в жизнь, оперативно отзывался на волновавшие его международные события, обличал фашизм, предупреждал об угрозе войны. 4 марта для газеты «Фольксцайтунг» он пишет воззвание «В защиту Э. Тельмана», а 22 марта в журнале «На страже» выступает с «Кратким очерком скверной истории».

Постоянно внимание Горького было обращено на то новое, что вошло в жизнь народа. Советская действительность, замыслы, свершения — он не просто всем этим интересовался, он этим жил, дышал. 12 марта «Комсомольская правда» публикует его статью «Поклоение героев».

И в доме его часто бывали те, в ком он находил черты нового чело-

века, в ком видел героев будущих произведений литературы социалистического реализма. Так, например, 8 марта он пригласил в гости ударницу колхоза «Красный пахарь» Тамбовской области Анну Мошкаркову. Она смутилась при встрече, ведь с ней, простой колхозницей, говорил сам Алексей Максимович — человек, которого знал весь мир. Все, кто бывал в гостях у Горького, отмечали его замечательную способность располагать к себе людей, вызывать их на доверительную беседу. «Разговорил» он, конечно, и Мошкаркову. Пили чай, Горький курил, по обыкновению крутил в руках мундштук и расспрашивал Мошкаркову о колхозном житье-бытье, говорил о новой судьбе женщины в Стране Советов. «Вот знаю я Галину Грекову. Продавая батрачка с Курбани, — объяснял он Мошкарковой, — а теперь преподаёт философию и написала хорошую книгу». За несколько дней до этого Горький как раз послал Г. Грековой свой отзыв о второй редакции ее повести. Среди гостей писателя были люди разных профессий и разных возрастов. За 5 лет с кем только не беседовал, не чаевничал за этим столом хозяин дома: колхозники и рабочие, музыканты и ху-

дожники, политические деятели и ученые, писатели... — если перечислять, получится, пожалуй, еще одна горьковская серия замечательных людей.

КОГДА ЖЕ он, молодой уже, больной туберкулезом легких, при таком подвижничестве образе жизни, насыщенном неисчислимым количеством дел и забот, работал над художественными произведениями, когда же он умудрялся писать (а ведь еще и отдыхал — в столовой частенько звучали старый «Бехштейн» и новая радиола)? Писал свои книги буквально каждый день — помогал твердый распорядок.

В 9 утра он входил в кабинет, и ничто до двух часов дня не могло отвратить его от письменного стола. Всякий раз он начинал с разминки — со стихов, сочинил, тут же уничтожал их. В эти годы им созданы пьесы «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», второй вариант «Вассы Железновой», написано множество статей и очерков, рассказы, а главное — продолжалась работа над романом «Жизнь Клима Самгина». В пять он снова был в кабинете и до восьми читал и правил чужие рукописи, отвечал на письма.

В доме на Малой Никитской много сил было отдано четвертому тому «Самгина». На большом, выше обычного, столе — чтобы больному писателю не пришлось наклоняться, — лежит под роговыми очками 143-я страница рукописи этого тома. Одна из первых редакций, разговор Самгина с Тагильским после убийства Зотовой. Страница дает некоторое представление о том, как работал Горький. Он писал на линованных листах с большими полями — для исправлений, пометок, вариантов, если они там не уместались, подклеивал листки из блокнотов, лежащих тут же, на столе. Для вставок, чтобы легче было разобраться, использовал цветные карандаши. Когда рукопись, как лоскутное одеяло, пестрела добавлениями, вычерчиваниями, пометками, которые понять часто мог только один автор, он ее перепи-сывал и лишь тогда отдавал перепечатывать. В секретарской на столе стоит пишущая машинка Максима Алексеевича, который перепечатывал работы отца (Горький шутя называл сына за это своим «печатным станком»), в машинку вставлен лист из «Клима Самгина».

«В «Самгине» я хотел бы рассказать — по возможности — обо всем, что пережито в нашей стране за 40 лет». Машинка замысла, проблематика произведения обусловили необычайную насыщенность художественного полотна реальными фактами, реальными лицами, реальными страстями века. В четвертом томе действие разворачивается в Берлине, Женеве, Пари-

же, Петербурге, Москве, других городах России, охватывает события десяти очень важных лет — от поражения первой русской революции до февральских дней 1917 года. Горький спешил завершить эпопею. 4-я книга оказалась очень трудоемкой, но он не позволял себе небрежной торопливости, скрупулезно выверял каждую деталь. Сотни названий насчитывает литература, которую использовал Горький для характеристики эпохи, для познания сущности своих героев. Большая часть использованных книг с многочисленными пометками писателя сохранилась в его личной библиотеке и позволяет проникнуть в творческую лабораторию автора.

КНИГИ — главное в квартире писателя. Книжки и люди преобразили дом, сделали его «горьковским», и никогда больше он не называл его нелепым. И в специально отведенной комнате — бывшей гостиной Рябушинского, и в вестибюле, и на лестнице, ведущей на второй этаж, и в спальне, и в секретарской — всюду книги. В 44 шкафах, изготовленных, как и стол в кабинете, по заказу Горького, размещено 12 тысяч томов, и около 2 тысяч из них содержат пометки Горького. Интересно, что, рассказывая в 4-й книге «Самгина» о библиотеке Марины Зотовой, автор «приписывает» ей свою манеру чтения — «все читано с карандашом, вложены записочки с указанием, что где искать».

Очень много книг влилось в библиотеку в последние годы жизни писателя — сюда, на Малую Никитскую, поступали все новинки советской литературы. В марте 1934 года ему прислали с дарственными надписями свои книги М. Пришвин, О. Берггольц, С. Айни...

ФОТОКОРЕСПОНДЕНТОМ В. Крохиным мы пришли на Малую Никитскую (ныне улица Качалова) за несколькими днями до открытия. Еще не все следы ремонта были стертые, не все предметы возвращены на прежние обжитые места, но директор музея Л. Быковцева, хранитель В. Чернухина, внучка писателя — сотрудник библиотеки музея М. Пешкова, любезно показывая обновленный дом, говорили с уверенностью: 23-го будем принимать первых гостей.

МАРТ. В марте у Горького — праздник. Здесь все так, как было при нем.

Ирина РИШИНА